

ЛИМАН Игорь Геннадиевич / LIMAN Igor

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

igorlim@gmail.com

КЮЭСТИ ВИЛКУНА И ЕГО ТВОРЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ НАСТУПЛЕНИЯ ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ НА ФИНЛЯНДСКУЮ АВТОНОМИЮ

**KYÖSTI WILKUNA AND HIS OEUVRE UNDER THE CONDITIONS
OF IMPERIAL GOVERNMENT'S ATTACKS ON FINNISH AUTONOMY**

Abstract: The imperial government's attacks on the autonomous rights of the Grand Duchy of Finland had a significant impact on the life and oeuvre of the national writers, including Kyösti Wilkuna (1879–1922). His literary works are valuable historical sources that contain information about some aspects of building the Finns' cultural memory, but they have not yet been studied from this point of view. The purpose of the article is to analyse some denotative and connotative meanings of Kyösti Wilkuna's historical adventure novels depicting the Finnish aspect of the wars between Sweden and Russia, especially the period of the Great Wrath, or *Isoviha*. The author concludes that these novels' contemporary reader not only learned an interpretation of the past, but also discovered connotative meanings in the text that were constitutive of an element of the image of the Other for the Finnish identity.

Ключевые слова / Keywords: История Финляндии, Великая Северная война, «великое лихолетье», *Isoviha*, Кюэсти Вилкуна, образ Другого, историческая память / History of Finland, the Great Northern War, the Great Wrath, *Isoviha*, Kyösti Wilkuna, the image of the Other, collective memory

На рубеже XIX–XX вв. имперская власть начала наступление на автономные права Великого княжества Финляндского, что оказало значительное влияние на развитие финской культуры, которая процветала в тот период времени¹. Национальные писатели стали чаще обращаться к актуальным историческим сюжетам, которые могли воодушевить сопротивлявшихся финнов и побудить их к борьбе за независимость. К числу таких писателей принадлежал и Кюэсти Вилкуна (*Kyösti Wilkuna*, 1879–1922)², который не только стремился образным словом сформировать боевой дух в характере финской молодёжи, но и принимал активное участие во многих судьбоносных событиях своего времени. По этой причине мемуары писателя оказались в поле зрения многих исследователей, однако его художественные произведения являются не менее ценными историческими источниками, которые содержат информацию о некоторых особенностях процесса

¹ Мейнандер Х. История Финляндии: Линии, структуры, переломные моменты. М., 2017. С. 126.

² Ещё один распространённый вариант транслитерации имени автора на русский язык — Кюёсти Вилкуна.

250 *Кюэсти Вилкуна и его творчество в условиях наступления имперской власти на финляндскую автономию*

формирования культурной памяти финнов, но ранее не рассматривались в этом качестве. Целью настоящей статьи является анализ отдельных денотативных и коннотативных смыслов историко-авантюрных сочинений Кюэсти Вилкуны о финляндских событиях русско-шведских войн, в частности, о «великом лихолетье», или *Isoviha*, — периоде оккупации Финляндии с 1713/1714 до 1721 г.

В начале профессионального пути Кюэсти Вилкуна работал в газетах на разных должностях, что предоставило ему возможность овладеть словом до того, как он приступил к литературной деятельности. Читающая публика положительно отреагировала на его первые художественные произведения, которые представляли собой многообещающий дебют³. Широкую известность писателю принесли историко-авантюрные сочинения, особенно «Приключения Тапани Лёвинга I–II» (1911, 1912)⁴ и «Финские герои I–II» (1915, 1921)⁵, пользовавшиеся большим спросом у читателей. Критики отмечали их исторический реализм, который стал отличительной чертой художественных произведений Кюэсти Вилкуны в указанном литературном жанре. Содержание личной библиотеки свидетельствует об изучении им не только обобщающих трудов по истории Финляндии, но также сборников документов и специальных исследований. Настоящей находкой для писателя оказался «Дневник»⁶, написанный Тапани Лёвингом после окончания Великой Северной войны (1700–1721 гг.). В одном из своих писем Кюэсти Вилкуна заметил, что этот партизан — «настоящий финский Одиссей», обладающий такими качествами, как «хладнокровность и находчивость... знание тысячи уловок, чтобы нанести урон противнику в самых трудных ситуациях... стойкость перед холодом, голодом и врагом»⁷. Обозначенные качества «идеального главного героя» оказались в полной мере раскрыты на страницах «Приключений Тапани Лёвинга I–II», созданных на основе сведений из «Дневника» финского партизана.

Предисловия к художественным произведениям содержат информацию о том, какое значение автор придавал используемому в своём творчестве историческому материалу. В августе 1911 г. Кюэсти Вилкуна указывал, что период *Isoviha* является «особенным временем для нашей страны... и предания о нём ещё живы в памяти современников», а появление «Приключений Тапани Лёвинга I–II» считал лишь

³ Herlin I. Wilkuna, Kyösti // Kansallisbiografia [Электронный ресурс]. 2007. URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-004487> (23.10.2022).

⁴ Wilkuna K. Tapani Löfvingin seikkailut I–II // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. 1918. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/13171/pg13171.html> (23.10.2022).

⁵ Ivalo S., Wilkuna K. Suomalaisia sankareita I // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. 1917. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/56193/pg56193.html> (23.10.2022).; *Iidem*. Suomalaisia sankareita II // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. 1921. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/56194/pg56194.html> (23.10.2022).

⁶ Stephan Löfving'in Päiväkirja retkistään Ison Vihan aikoina // Lähteitä Ison Vihan historiaan / Toim. Y. S. Yrjö-Koskinen. Helsinki, 1865. S. 393–456.

⁷ Railo E. Kyösti Wilkuna: ihmisenä, kirjailijana, itsenäisyysmiehenä // Projekt Lönnrot [Электронный ресурс]. 1930. URL: <http://www.lonnrot.net/kirjat/2138.zip> (23.10.2022).

«скромной инициативой» в деле формирования оригинального историко-авантюрного жанра, которого не хватало финской литературе⁸. В августе 1915 г. Кюэсти Вилкуна уже прямо указывал в «Финских героях I–II» на наличие воспитательной задачи, которая состояла в напоминании о героических подвигах предков, чтобы воодушевить потомков пожертвовать собой ради благополучия Родины⁹. В итоге период *Isoviha* стал трактоваться как один из этапов многовековой борьбы финнов за достижение независимости, и в июне 1918 г. автор констатировал, что «в тысячах битв против русских... ни одна капля нашей крови не была пролита напрасно»¹⁰. Обозначенные трансформации показывают, как в культурной памяти финнов осознанно актуализировался исторический опыт, обладавший символическим значением в контексте вызревания и воплощения идеи независимости.

В национальной историографии время наступления имперской власти на финляндскую автономию в 1899–1917 гг. получило название «периоды угнетения» (*sortokaudet*). В то время Кюэсти Вилкуна относился к радикально настроенной части финляндского общества, о чём свидетельствует его биография: вербовал участников егерского движения, находился в заключении в Шпалерной тюрьме, а затем сражался на стороне белых в Гражданской войне и принимал участие в Олонецком походе¹¹. Жизненный опыт представляется ключом к расшифровке его художественных произведений, в которых автор словно исповедуется читателю сквозь более или менее прозрачную аллегоричность вымысла¹². Однако признание «смерти автора» открывает многомерное пространство текста — паутину, которую исследователю предстоит не расшифровывать, а распутывать, что не гарантирует постижения всего многообразия возможных смыслов¹³. На смену преисполненному страстей автору приходит бездушный скриптор, который обладает только необъятным словарём, содержащим бесконечное множество различных видов письма. В то же время появляется и читатель, который взаимодействует как с денотативным (буквальным), так и с коннотативным (культурно обусловленным) содержанием текста¹⁴.

В историческом романе «Приключения Тапани Лёвлинга I–II» превозносятся заслуги финского партизана в военных событиях, а его действия характеризуются только в положительных тонах. Героическое повествование разворачивается на

⁸ *Wilkuna K.* Tapani Löfvingin seikkailut I–II.

⁹ *Ivalo S., Wilkuna K.* Suomalaisia sankareita I.

¹⁰ *Wilkuna K.* Tapani Löfvingin seikkailut I–II.

¹¹ *Herlin I.* Wilkuna, Kyösti.

¹² *Барм Р.* Смерть автора // *Он же.* Избранные работы. Семантика. Поэтика. М., 1989. С. 385.

¹³ Там же. С. 389–390.

¹⁴ *Он же.* S/Z. М., 2009. С. 12–13, 49–51.

252 *Кюэти Вилкуна и его творчество в условиях наступления имперской власти на финляндскую автономию*

фоне трагических событий периода *Isoviha* в годы Великой Северной войны¹⁵, когда «людьми овладел всепоглощающий страх... поток беженцев устремился на запад, а другие [оставшиеся]... спрятали скот и имущество». Значительное место занимает описание последствий прихода русской армии: огромный материальный ущерб, угон в плен мирных жителей и другие «варварские действия». Тапани Лёвинг увидел, что «[шведская] армия находится в плачевном состоянии», поэтому решил вступить в борьбу с противником и не прекратил оказывать сопротивление даже после полного захвата Финляндии¹⁶. В данном повествовании, как и в других случаях, сложная историческая действительность упрощалась до образа прошлого, который обладал убедительной силой и мощным аффективным воздействием¹⁷. Из таких образов прошлого формировалась культурная память, состоявшая не из фактической, а из воссозданной в воспоминании истории¹⁸. Её содержание оказывало существенное влияние на настоящее и будущее, в том числе определяло национальную идентичность финнов, которые столкнулись с новой угрозой на рубеже XIX–XX вв.

Постмодернистский анализ художественного произведения как исторического источника требует поиска не всех возможных смыслов текста, а только тех, которые являлись релевантными для породившей его культуры¹⁹. Наступление имперской власти на финляндскую автономию актуализировало в сознании читателей коннотативные смыслы, ранее отсутствовавшие в текстах о периоде *Isoviha*. Повествование о трагическом прошлом воспринималось современниками сквозь призму проживаемых ими «периодов угнетения», что пробуждало чувство ненависти к русским как заклятым историческим врагам. Данное эмоциональное состояние находилось в тесной связи с чувством страха, а ненависть придавала дополнительные силы в борьбе с возникшей угрозой²⁰. В этом контексте финские партизаны заняли место национальных героев, которые послужили образцами для идентификации. Их преувеличенный героизм усиливал оппозиционный дух финнов²¹, которые в момент опасности решили последовать созданному

¹⁵ Финское название периода *Isoviha* 1713–1721 (или 1714–1721) гг. дословно переводится как «большая ненависть», но в российской историографии получил распространение более вольный перевод — «великое лихолетье».

¹⁶ *Wilkinen K.* Tapani Löfvingin seikkailut I–II.

¹⁷ *Асман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 38–39.

¹⁸ *Асман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 55.

¹⁹ *Егоров А. К., Каменев Е. В.* Власть языка и язык власти как постмодернистский контекст исторических исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 512. URL: <http://vestnik.spbu.ru/html18/s02/s02v2/12.pdf> (20.12.2022).

²⁰ *Вихавайнен Т.* Столетия соседства: Размышления о финско-русской границе. СПб., 2017. С. 144–152.

²¹ Там же. С. 74.

историческому примеру. В «периоды угнетения» столь радикальное восприятие ситуации наблюдалось лишь у небольшой части финляндского общества, но новое поколение выросло с мыслью о «русской угрозе», что оказало значительное влияние на взгляды и действия его представителей в межвоенный период²². После обретения независимости наступило золотое время мифологизированной «ненависти к русским» (*ryssäviha*), эксплуатировавшейся вплоть до окончания Второй мировой войны.

Указанные выводы подтверждаются и в случае обращения к совместному художественному произведению Сантери Ивало и Кюэсти Вилкуны «Финские герои I–II», содержащему наиболее репрезентативный ряд тех личностей, которые в то время считались выдающимися представителями героического прошлого финнов. Усилиями национальных писателей широкие массы оказались «приглашены в историю», что произошло с помощью исторического романа — одной из основных форм репрезентирования того вида «воображаемого сообщества», которым является нация²³. В том числе на данной основе формировалась культурная память финнов как о периоде *Isoviha*, так и о похожих событиях других русско-шведских войн. Актуализация данного исторического опыта обеспечила прочные эмоциональные основы финской нации, что стало одним из ключевых факторов её единения перед угрозой со стороны имперской власти. Если раньше финский патриотизм основывался на доверии и любви к царю²⁴ и в Великом княжестве Финляндском можно было увидеть, как воздвигаются памятники в честь российских императоров, то с наступлением «периодов угнетения» всё громче стал слышаться разговор о русских как наследственном враге²⁵.

В заключение можно сделать вывод о том, что художественные произведения Кюэсти Вилкуны являются ценными историческими источниками, которые требуют всестороннего и углублённого изучения. Постмодернистский подход к анализу текстов не предполагает существования принципиального разрыва между историческим и литературным повествованиями о прошлом. В этом смысле сочинения национальных писателей оказали не меньшее влияние на представления финнов о собственном прошлом, чем труды профессиональных историков. Важную роль в формировании культурной памяти финнов сыграли и историко-авантюрные сочинения Кюэсти Вилкуны о финляндских событиях русско-шведских войн, в частности, о периоде *Isoviha*. Уже их первоначальный анализ показал, что в условиях наступления имперской власти на финляндскую автономию читатель-современник не только узнавал об одной из интерпретаций прошлого,

²² Karemaa O. Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä. Venäläisviha Suomessa 1917–1923. Helsinki, 1998. S. 161.

²³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 46, 100.

²⁴ Klinge M. The Finnish Tradition: Essays on Structures and Identities in the North of Europe. Helsinki, 1993. P. 246.

²⁵ Kangas A. The Knight, the Beast and the Treasure: A Semeiotic Inquiry into Finnish Political Imaginary on Russia, 1918–1930s. Tampere, 2007. P. 11.

254 *Кюэсти Вилкуна и его творчество в условиях наступления имперской власти на финляндскую автономию*
но и обнаруживал в тексте коннотативные смыслы, определявшие один из элементов образа «Другого» для финской идентичности.

Список литературы

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Г. Николаева. — Москва: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2001. — 288 с.

Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. — Москва: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.

Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. — Москва: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.

Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — Москва: Прогресс, 1989. — С. 384–391.

Барт, Р. S/Z / Р. Барт; пер. с фр. Г. К. Косикова, В. П. Мурат. — Москва: Академический Проект, 2009. — 373 с.

Вихавайнен, Т. Столетия соседства: размышления о финско-русской границе / Т. Вихавайнен; пер. с фин. А. И. Рупасова. — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017. — 248 с.

Егоров, А. К. Власть языка и язык власти как постмодернистский контекст исторических исследований / А. К. Егоров, Е. В. Каменев // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2018. — Т. 63, вып. 2. — С. 506–521. — URL: <http://vestnik.spbu.ru/html18/s02/s02v2/12.pdf>. — (20.12.2022).

Мейнандер, Х. История Финляндии: линии, структуры, переломные моменты / Х. Мейнандер; пер. со швед. З. Линден, С. Машкова. — Москва: Весь Мир, 2017. — 256 с.

Herlin, I. Wilkuna, Kyösti / I. Herlin // Kansallisbiografia [Электронный ресурс]. — 2007. — URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-004487>. — (23.10.2022).

Kangas, A. The Knight, the Beast and the Treasure: a Semeiotic Inquiry into Finnish Political Imaginary on Russia, 1918–1930s / A. Kangas. — Tampere: Tampere University Press, 2007. — 321 p.

Karemaa, O. Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä. Venäläisviha Suomessa 1917–1923 / O. Karemaa. — Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1998. — 221 s.

Klinge, M. The Finnish Tradition: Essays on Structures and Identities in the North of Europe / M. Klinge. — Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1993. — 264 p.

Railo, E. Kyösti Wilkuna: ihmisenä, kirjailijana, itsenäisyysmiehenä / E. Railo // Projektii Lönnrot [Электронный ресурс]. — 1930. — URL: <http://www.lonnrot.net/kirjat/2138.zip>. — (23.10.2022).